

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЛАВЯН О БОЛЕЗНЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ, БОЛГАРСКИХ И ЧЕШСКИХ ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРОВ)

Статья посвящена сравнительному анализу представлений трех славянских народов – русского, болгарского и чешского – о болезнях. Исследование показало, что наши предки-славяне представляли себе болезнь в виде параллельного человеку чужого ему мира. Проникновение в гармоничный мир человека посторонней сущности или ее невидимого энергетического воздействия вносит в него дисгармонию, то есть болезнь. Наряду с этим существует убеждение, что и сам человек может обладать вредоносной по отношению к другим людям, и даже домашним животным, влиянием. Национальное своеобразие проявляется в конкретной реализации общих для славян представлений.

Одним из свойств, характеризующих архаичное мышление, по мнению многих современных ученых¹, является бинарность, которая порождает множество оппозиций смыслополагания, в том числе и одну из основополагающих для формирования представлений об окружающем мире – оппозицию «свой/чужой». Именно она лежит в основе представлений, формирующих мир заговорного пространства у славян. Окружающий мир, в соответствии с этими представлениями, делится на две части. Одна из них – мир, обитаемый человеком, знакомый ему, определенным способом упорядоченный и безопасный. Другая часть – терра инкогнита, мир незнакомый, а значит и враждебный человеку. Его разум древнего предка населяет некими сущностями, духами, как правило враждебными, которые отрицательно воздействуют на человека, если он попадает на их территорию и не соблюдает определенных оберегающих норм поведения. Однако эти сущности могут и сами проникать в «свой» мир человека и вносить в него дисгармонию, которая проявляется как болезнь. Итак, в основе всех конкретных представлений, о которых мы будем говорить, лежит одна мысль: болезнь – это нечто, привнесенное извне.

Наиболее архаичными в заговорных текстах славян, на наш взгляд, являются представления о болезнях как о связанных напрямую или опосредованно с воздействием природных объектов и стихий. В болгарской традиции, например, сохранилось представление о том, что природный объект выступает непосредственным виновником заболевания человека. Это прежде всего зафиксировано в названии некоторых болезней: например, ревматизм получает наименование «вятьр» (СБНУ, кн. 1, №6,

с. 83); а головная боль, когда у человека болит лишь половина головы, называется «зора». Считается, что именно утренняя звезда, заря является виновницей этого заболевания (СБНУ, кн. 1, №11, с. 86). Вечернюю звезду (зарю) болгары обвиняют в еще большей вредоносности – она является виновницей того, что у женщины все дети умирают во младенчестве, то есть именно она их уносит. Различного рода воспаления и лихорадки как в болгарской, так и в русской традициях, представляются в виде огня, который безжалостно сжигает человека изнутри (СБНУ, кн. 3, №4, с. 143; СБНУ кн. 6, №2, с. 173; Майков, №96). Так, в следующем примере (заговор от стоматита) болезнь представляется как пожар, который сжигает Царь-град, то есть тело человека:

«Запали се Цари-град, ете иде Гоца лекарица, та угаси Цари-град със зелена върбица, със студена водица»² (СБНУ, кн. 3, №4, с. 143).

Гораздо более распространенными у всех трех рассматриваемых нами групп славян являются представления о том, что болезни суть некие невидимые сущности, духи, которые лишь пространственно связаны с определенными природными стихиями (объектами), то есть обитают там или перемещаются с их помощью. Наиболее часто местом обитания болезни называются лес, вода и ветер. Так, в русском заговоре от горячки в качестве места обитания болезни, куда ее заклинаяют возвратиться, называются лес, вода, и ветер:

«С ветру пришла – на ветер пойди; с воды пришла – на воду пойди; с лесу пришла – на лес пойди отныне и до века» (Майков, №97).

В чешских заговорах также наиболее часто болезни обитают именно в этих местах, однако иногда появляется и указание на такие

¹ См., например, работы А.М. Золотарева, С.А. Токарева, Б.А. Рыбакова, А.А. Пелипенко, В.И. Харитоновой и др.

² Пожар бушует в Царь-городе. Вот придет Гоца-знахарка, потушит пожар веточкой вербы, холодной водицей.

стихии, как огонь или земля, а причем в последнем случае это могут быть и скалы, и болота (грязи):

«...Jsou li z větru, aby šli zas do větru..., jsou li z vody, aby šli zas do vody..., jsou li ze skál, aby šli zas do skál...»³ (Вельмезова, №170).

В болгарской традиции такая связь прослеживается, однако лишь в очень незначительной степени – там преобладает представление о том, что болезнь насылают живые существа, поэтому природные объекты и стихии лишь изредка упоминаются в обширных перечнях одушевленных вредителей:

«Ако бъдете уроци от мъж..., от жена..., от мома, по нея идете, ако бъдете самодивски, по ни идете, ако бъдете водни, по ни идете, ако бъдете от ветър, по него идете...»⁴ (СБНУ, кн.12, №2.3, с.143).

Славянские заговоры свидетельствуют также и о том, что в сознании наших предков были представления, связывающие болезнь с воздействием некоторых растений. В этом случае болезнь могла носить имя данного растения. Так в чешской традиции рожистое воспаление называют «розой» (Вельмезова, №144, например), а в болгарской уплотнения в груди (мастопатию) рассматривают как лесные орехи:

«Родила леска до девет лешници: от девет осум, ..., от две едно, от едно ниедно»⁵ (СБНУ, кн.2, №4, с.173).

Счет в данном случае отражает качественный показатель состояния: девять – максимальная степень заболевания, которая, под воздействием знахарки уменьшается вплоть до полного исчезновения.

Однако чаще растение рассматривалось как равноценный заместитель болезни, и именно с ним осуществлялись ритуальные действия по ее изгнанию. Так, для лечения селезенки болгарские знахарки собирали букет особой травы, которую так и называли «далак» (селезенка-трава), клали ее на живот больному и рубили топором, приговаривая:

« – Какво сеачеш?

– Далак сеакам. Да гу отсеакам, да гу нема»⁶ (СБНУ, кн.2, №1, с.170).

Примерно таким же способом на Руси лечили радикулит, однако указывалось, что в качестве его заместителя использовался веник, то есть внимание акцентировалось уже не на растении (нигде нет сообщений, из чего сделан веник), а на том, предмете, который из него сделали (см., например, Майков, №86).

Достаточно часто в славянских заговорах указывается на некую невидимую, но крепкую связь, существующую между растениями и болезнью. Поэтому угроза негативного воздействия на растение приводит к непосредственному устрашению болезни. Так, в русской и чешской традициях говорится о том, что для исцеления от глистов достаточно пригрозить репейнику-чертополоху, что оборвете у него головки:

«Bodláčku, bodláčku! Nepustím tobě hlavičku, dokud nepustíš N. červíčku»⁷ (Вельмезова, №12),

«Траву, называемую татарин... пригибают к земле...:

...Выведи, татарин, червей у такого – то..., если выведешь, я тебя отпущу; а если не выведешь, из корня подерну.» Майков, №200).

Еще более распространенным во всех трех традициях является представление о том, что растение само обладает целительной силой от определенной болезни, причем ему можно и угрожать:

«Рябина, рябина, вылечи мои зубы, а не вылечишь – всю тебя изгрызу» (Майков, №80), и вежливо просить о помощи:

«Dej Pán Bůh dobré jítro, beze! Nenesu ti chleba s máslem, ale nesu ti své mze. K tomu mi dopomáhej Bůh otec...»⁸ (Вельмезова, №68).

Болгарские заговоры говорят о том, что, чтобы избавиться от лихорадки, нужно ранним утром обнять вербу и, дождавшись рассвета, произнести:

«Тебе треска да те тресит, мене сынце да м угреит»⁹ (СБНУ, кн.9, №2, с.136).

³ ... Если пришли они (стреляющие боли в ухе) от ветра, пусть вернутся на ветер..., если пришли они из воды, пусть вернутся в воду..., если пришли они со скал, пусть вернутся в скалы...

⁴ Если вы, уроки, от мужчины..., от женщины..., от девушки, то к ней возвратитесь, если вы от самодив, к ним вернитесь, если вы от воды, в нее вернитесь, если вы от ветра, к нему вернитесь...

⁵ Родил орешник девять орехов: от девяти восемь, ..., от двух один, от одного ни один.

⁶ – Что рубишь?

– Селезенку рублю, чтоб отрубить и чтоб ее не было

⁷ Репейник, репейник! Я не отпущу твою головку, пока ты не уберешь своих червячков из (имя рек).

⁸ Дай тебе Господи доброе утро, сирень! Не несу тебе хлеба с маслом, но несу тебе свою чахотку.

⁹ Тебя лихорадка пусть трясет, меня солнце пусть согревает.

В чешской традиции появляется представление о том, что растение (дерево) может служить лишь проводником, через который уходит болезнь в процессе ее изгнания:

«Vrbo, já du k tobě, souchotinovou obět nesu v sobě a chci ji dát tobě a ty ji dej větším a větev ji dá rátolestím a ti ji pošlou do povětří...»¹⁰ (Вельмезова, №165).

Не менее редким для славянской заговорной традиции является представление о том, что болезнь прямо или косвенно связана с определенными предметами. Мы уже упоминали случаи, когда болезнь – радикулит – в русском лечебном заговоре приравнивалась к венику, который и рубили, чтобы избавить больного от недомогания. В болгарской традиции мы также встречаемся с подобным представлением. Для избавления от боли в печени и селезенке рекомендуется рубить топором на животе больного палку (СБНУ, кн. 1, №12, с. 86). В чешском заговоре, используемом для избавления от головной боли, в перечне болезней мы находим «hol sukovatou», то есть «палку сучковатую» (Вельмезова, №19).

В болгарской и русской традициях острая боль (колики) часто представляется как клинья (болг.) или стрелы (рус.):

«Не от ветра, не от вехоря пришла стрела тая в раба Божия...» (Майков, №89).

Особенностью болгарского подхода является то, что эти клинья на человека роняет сам Господь:

«Паднуше клинье іот Бога, іудрише (името) іу главу...»¹¹ (СБНУ, кн. 16-17, №5, с. 261).

Специфическим для русской традиции является представление о кровотечении как о нити. Значительное число заговоров от кровотечения используют следующую формулу: «Нитка, оборвися, кровь у раба Божия, уймися!» (Майков, №158).

Общим для всех славян является представление о том, что болезнь – это нечто жесткое, неодушевленное, что можно выдуть, вымести, выгрызть из человека, вынуть и переложить в

другое место или выбросить, например, в море, как в чешском заговоре от прыщей:

«Svatý Pán Ježíš šel po svatém mostě, potkal svou milou máti: «Kam jdeš, milá máti?» «Já jdu pro tři dobré neštovice» «Kam je dáš?» «Svatému Janu, svatý Jan svatému Stěpánu, svatý Stěpán svaté panně Barboře, ta je shodí do moře»¹² (Вельмезова, №121).

Однако гораздо чаще славянские заговоры дают представление о болезни как о неком живом существе, которое можно выгнать из человека, пригрозив тяжкими физическими мучениями:

«Бегаі, цъвеницо, от лицето на чоеко, оти со железо изгорено, ке ти го откорнам корено»¹³ (СБНУ, кн. 1, №4, с. 94).

Чехи часто запугивают болезнь тем, что ее съедят в пятницу евреи (Вельмезова, №№50-52, 55,56), а русские грозятся отдать на съедение змеям (Майков, №№197, 198) либо расправляются сами или с помощью птиц с железными когтями или щуки с железными зубами:

«Есть море золото, на золоте море золото древо, на золоте древе золоты птицы – носы железны и ногти железные, дерут, волочат от раба Божия (имя рек) на мхи, на болота; есть море золото, на золоте море бел камень, на беле камени сидит красная девица с палицею железною, тепет, обороняет, отлучае от раба Божия (имя рек) усови на мхи, на болота...» (Майков, №90).

Болезнь представляется славянам существом не только враждебным, но и кровожадным. Она, как, например, в болгарском заговоре от головной боли:

«... глава ми пие, очи ми пие, сорце ми пие, мозак ми пие, жили ми смухте и ноги ми сече»¹⁴ (СБНУ, кн. 1, №5, с. 90-91).

Особенно подробно это свойство описывают чешские заговоры:

«Já jdu do života té osoby (jméno) maso jísti, krev pítí, žily trhати, kosti lámати, chut' k jídlu a k pití bráti»¹⁵ (Вельмезова, №142).

¹⁰ Верба, я иду к тебе, чаютку, как жертву, несу в себе и хочу отдать ее тебе, а ты отдай ветвям, они пусть передадут листьям, а они пусть отдадут ветру...

¹¹ Упали клинья у Бога (Господь уронил клинья), ударили (имя рек) в голову...

¹² Святой Иисус Христос шел по святому мосту, встретил свою милую мать: «Куда идешь, милая мама?» «Иду за тремя классными прыщами». «Кому их отдашь?» «Отдам их святому Яну, святой Ян святому Стефану, святой Стефан святой Барбаре, а она их выбросит в море...»

¹³ Беги, рожа, с лица человека, ато раскаленным железом выжгу твой корень

¹⁴ ...голову мою пьет, глаза мои пьет, сердце мое пьет, мозг мой пьет, жилы сосет и ноги сечет.

¹⁵ Я иду в тело этого человека (имя рек) его мясо есть, кровь пить, жилы тянуть, кости ломать, желание пить и есть отбивать.

В качестве альтернативы болезням предлагается удалиться к трем колодцам, в которых они могут пить кровь и закусывать костями:

«Jsou tam tři studánky, jedna plná masa, druhá plná krve, třetí plná kostí a tam se můžete porámotiti dosti»¹⁶ (Вельмезова, №174).

Они же акцентируют внимание на том, что бородавки, язвы, жировики и прочие кожные поражения могут расти. Болгарские же тексты обращают внимание на то, что болезни могут ходить и бегать, их можно поймать, зажарить и съесть, но особенным способом:

«Соф-софа през поле бега, видоа те козаре, видоа те говедаре... без куче те фанаа, без нош те заклаа, без огин те испекоа, без уста те изе-доа»¹⁷ (СБНУ, кн. 7, №1, с. 145).

В русских заговорах также отмечается способность болезни ходить и даже гулять:

«И поди ты, грыза, во чисто поле гулять...» (Майков, №125).

Чешские заговоры отмечают способность болезней летать, а также их игривый характер:

«... let' te na hory a na skály, tam píchejte, štípejte, kotrmelce dělejte...»¹⁸ (Вельмезова, №175).

Однако в этом случае всегда сохраняется противопоставление болезни как одушевленной сущности и человека. Наиболее ярко оно прослеживается в формуле изгнания болезни. Прежде всего, это место находится в «том» мире, чужом человеку, а значит непригодном для его существования. Заговоры всех трех традиций подчеркивают его принадлежность к «не-своему» миру еще и тем, что указывают на отсутствие там любых привычных человеку животных, как домашних, так и диких, а также птиц:

«Поди во темны леса, на сухи дерева, де народ не ходит, де скот не бродит, де птица не летает, де зверье не ходят» (Майков, №233)

В болгарских заговорах особенно подчеркивается тот факт, что там нет петуха. Как известно, петух в народных представлениях тесно связан со «своим» миром и обладает властью изгонять из него нечистую силу:

«... iу пугу гору зелену, ..., там петлове не пеиу, там манаре не сечу, там сверове не іоде,

тамо ништо живо нема...»¹⁹ (СБНУ, кн. 16-17, №1, с. 259-260).

Чехи солидарны с прочими славянами в том, что это пустынное место, но акцентируют внимание на том, что там прекрасные условия для пребывания болезней, гораздо более приятные, чем человеческое тело (например, уже упоминавшиеся три колодца, наполненные костями и кровью).

Тем не менее, в большинстве случаев болезни все же приобретают зооморфные и антропоморфные черты. Название некоторых болезней у славян непосредственно восходит к наименованию животных. Мы имеем в виду такие болезни, как рак, или, в русской традиции, – жаба (стенокардия). В заговорах говорится о том, что жабу могут уничтожить птицы, обитающие на дереве рядом с престолом Богородицы (см.: Майков, №98). Собственно, и в реальном мире жабу поедает цапля, так что ассоциация очевидна. Иногда проводится ее связь с утренней и вечерней зорей и деревьями:

«Утренняя зоря Марая, вечерняя зоря Маремьяна, возьмите у меня жабище; не возьмете – сосну, березу с корнем съем» (Майков, №102).

Большой интерес вызывает представление о болезни как о волке, с которым мы столкнулись, изучая чешские и болгарские заговорные тексты. Так, в чешском заговоре от головной боли после обобщающего словосочетания «от любой болезни» идет уточняющий перечень заболеваний, причем на первом месте в нем стоит волк:

«... pomáhám od všeliké nemoce: od vlka šlapáka...»²⁰ (Вельмезова, №19).

В другом тексте болезнь «колтун» прямо названа «сухим волком»:

«A ty suchý vlku, neškod' temu synku v dovádění, ve skákání, hop, hop, hop!»²¹ (Вельмезова, №29).

В болгарской традиции в образе волка выступает боль в глазах:

«Бесно куче беснога вълка гони по равно полье и по гору зелену. Бежи, бесан вълку, че те гони бесно куче, та че те достигне, и че те

¹⁶ Есть там три колодца, один полон мяса, второй полон крови, а третий полон костей, и там можете шуметь сколько хотите

¹⁷ Соф-софа (мастопатия) через поле бежала, увидели ее пастухи..., без собаки ее поймали, без ножа закололи, без огня зажарили, безо рта съели.

¹⁸ ... летите в горы и скалы, там пихайтесь, шипайтесь, куврыкайтесь...

¹⁹ ... в безлюдный лес зеленый..., там петухи не поют, там топоры не стучат, там зверь не ходит, там нет ничего живого...

²⁰ ... лечу от любой болезни: от волка-топтуна...

²¹ А ты, сухой волк, не вреди этому сыночку, (не мешай) резвиться и прыгать, гоп, гоп, гоп.

раскине, парам по парче»²² (СБНУ, кн.16-17, с.261-262).

Однако наиболее часто в болгарских заговорах болезнь принимает вид змеи, причем не обычной, а сверхъестественной, поскольку один глаз у нее водяной, а другой – огненный. В этом случае болезнь сама уничтожает себя:

«Излела е змиа уд еворову коренье... с едно оку вогыану, с другу оку огньану; пукна са вогыану, угаси огньану»²³ (СБНУ, кн.1, №1, с.90).

Данная версия интересна и тем, что в ней очевидна и связь болезни с природными стихиями – водой и огнем.

Однако гораздо более распространенным является представление о болезнях как антропоморфных существах. В заговорах всех трех традиций часто рассказывается о том, что болезни ходят по свету и на этих путях-дорожках встречают Пресвятую Богородицу, Иисуса Христа и христианских святых и вступают с ними в диалог. Описание встречи с Богородицей и Христом особенно характерно для чешской и болгарской традиций.

Перечень болезней, которые могут принимать антропоморфный вид, очень широк. Так могут выглядеть как наружные, так и внутренние заболевания – от сыпи и прыщей вплоть до колик и лихорадок. Так, например, у отека есть руки и ноги, которые и грозится ему сжечь святой Георгий:

«Червен Герги с червен конь, търчи свети Герге, да гу улуим, да му изгурим крарката, ръцети, учити, веждити, клепкити и нихтети»²⁴ (СБНУ, кн. 7, №2, с. 142).

Обычно заговор рисует следующую картину встречи болезни и святых:

«Pán Ježíš šel po mezičse, panenka Marie po pějince; potkaly je tři štířlata. «Kam vy, štířlata, jdete? «My jdeme škodit...»²⁵ (Вельмезова, №177).

Или – в болгарском варианте:

«Къинисала Богородица, – на срекья и Модрица, ја праша: «Каш ке одиш?» «Ја ке одам...»²⁶ (СБНУ, кн. 11, №3, с. 87).

В русских же вариантах картина значительно усложняется. Прежде всего, болезней

несколько – от семи до тринадцати. Они выходят из моря на берег, где встречают либо святого апостола Сизиния, либо целое святое воинство во главе с Иоанном Крестителем, которых, чаще всего, интересует, не куда они идут, а их имена:

«Бысть в Черном море возмущение: изыдоша из моря тринадцать жен, и идут по воде, простоволосыя... И вопроша их святые отцы: «Что вам есть имена?» (Майков, №105).

Известно, что у многих архаичных народов существовало представление о том, что звать имя значит получить власть над его носителем. Таким образом, заговор, созданный под влиянием христианского мировоззрения нового времени, сохраняет древнее представление и доносит его до наших дней.

Антропоморфность болезней нашла свое отражение и в формулах ссылки болезней. Так, очень часто им предлагают уйти в места, хотя и отдаленные, как мы уже говорили, и явно принадлежащие к «тому» миру, однако очень привлекательные и комфортно обустроенные, да и угощение для них приготовлено соблазнительное с человеческой точки зрения. Наиболее распространена такая формулировка в болгарской традиции, где место ссылки описывается следующим образом:

«Там има честни трапези, свилени месалье, ведра ковани, чаши сребрани, вино червено, бели лебове, печени јаганца»²⁷ (СБНУ, кн. 12, с. 142).

Солидарны с ними и русские безымянные создатели заговорных текстов:

«Там кровати поставлены тесовыя, перины пуховыя, подушки пересныя; там яства сахарныя, напитки медовыя» (Майков, №107).

Место ссылки в чешских текстах имеет отличительную особенность. Там расположены три колодца. В них, как правило, не бывает воды. Чаще всего, в одном из колодцев есть пиво, во втором – вино или мед. Таким образом, представление об изобильности угощения, свойственное русской и болгарской традициям, и здесь сохранено.

²² Бешеная собака бешеного волка гонит по ровному полю и по лесу зеленому. Беги, бешеный волк, ведь гонится за тобой бешеный пес, догонит тебя и разорвет на мелкие клочки.

²³ Выползла змея из-под корня явора..., один глаз водяной, другой глаз огненный. Лопнул водяной и загасил огненный.

²⁴ Красный Георгий на красном коне, торопись, святой Георгий, нужно его поймать, сжечь ему ноги, руки, глаза, брови, веки и ногти.

²⁵ Шел Господь по меже, а Дева Мария по тропинке; навстречу им три прострела. «Куда вы, прострелы, идете?» «Мы идем вредить...»

²⁶ Шла богородица, а навстречу ей синюшка, спрашивает ее: «Куда ты идешь?» «Я иду к...»

²⁷ Там столы стоят накрытые, шелковыми скатертями покрытые, на них кованые бадьи, серебрянные чаши, красное вино, белый хлеб, запеченные ягнята.

В русской традиции болезни, если описывается их внешность, всегда выглядят как женоподобные существа. Лихорадки, например, выглядят как девы или женщины – простоволосые, неподпоясанные (а это уже само по себе характеризует их как сущности, принадлежащие «тому» миру). Они представляются дочерьми известного библейского царя Ирода, виновного в массовом убийстве младенцев:

«... а идут семь дев простовласы и без пояса, и они (святые) им молвят: «Кто вы естя, девы?» Они же рекоша: «Дщери есмя царя Ирода» (Майков, №105).

Кроме того, каждая из них имеет свое имя:

«И рекоша: Вефоя, Ивуя, Руныша..., Кисленя, Знобица, Трясовица» (Майков, №104).

Однако болезни могут носить и простые человеческие имена. Так, например, старшая из сестер-болезней может носить имя Марья Иродовна (Майков, №109), а полуночица, то есть младенческая бессонница, – имя Анна Ивановна (Майков, №61).

У болгар болезни также, как правило, имеют женскую ипостась. Так, детская диарея представляется в виде старух и так и называется – «бабици», то есть старухи. А отек получил женское имя Добра. Обращаясь к нему, говорят: «Сестрица Добрица» (см., например, СБНУ, кн. 3, с. 144-145) или «Добра дубраньчица, блага булеахчица», то есть «Добра добренькая, хорошая молодушка» (СБНУ, кн. 4, №8, с. 104). Сыпь на лице называется красавицей, да еще и происходящей из хорошей семьи:

«Хубава дубрино, наї хубава ут всички, ут добра маїка, ут добар баша, ут добри сестри, ут добри братья»²⁸ (СБНУ, кн. 1, №1, с. 92).

Особенностью болгарского представления о болезнях является то, что часто они выступают в мужской ипостаси. Так, боль в костях называют «Еремик» то есть Ерема (см, СБНУ, кн. 4, №7, с. 104), а острая периодическая боль, возникающая в животе, получила имя Димитрий (СБНУ, кн. 9, №4, с. 138-139). Интересен текст, где прострел называют именем Иуды. Он хо-

дит из избы в избы, и у кого сядет в ногах, тот заболевает:

«Тога си каза Иуда Гилинджика: «Де си ходях от къшта в къшта, каде да си постелька наїдам. Да си наїдах Танка на рагозина, та си седнах на нехини ноги, та си седнх и съ ударих...»²⁹ (СБНУ, кн. 4, №8, с. 107-108).

Однако Иуда сам и сообщает средство, которое должно излечить человека от его воздействия. Так же поступают и самодивы – девы, соотносимые с русскими русалками, которые не желают человеку зла, но встреча с ними всегда вредоносна (СБНУ, кн. 4, №3, с. 97; кн. 6, №3, с. 99).

Особенностью, присущей только болгарским заговорам, является социально-религиозная характеристика болезней. Они достаточно часто описываются как представители различных религий или даже неправославных течений христианства. Их общее количество – величина для заговоров, за редким исключением, постоянная – семьдесят семь. Так, в заговоре от ночного плача младенцев говорится:

«Тръгнале съ сидимдисе і седем вери ис друмишта, крѣви-крѣвници с кървави дрехи, с кървави саби»³⁰ (СБНУ, кн. 9, №1, с. 137).

В других текстах дается частичный перечень «злых вер». В одном списке с ними социально неблагополучные элементы и собственно болезни:

«Тръгнале съ сидимдисе і седем вери злини: авреїци, латинци, изедници, испивници, истровници, пулонишници...»³¹ (СБНУ, кн. 9, с. 138).

И, наконец, в народной заговорной традиции славян существует глубокое убеждение, что болезни, особенно те из них, которые возникают внезапно и признаки которых неясны, в основе своей имеют негативное воздействие человека на человека. У всех трех исследуемых нами народов есть понятие «порча», «сглаз», «уроки». Сглазу может подвергнуться не только человек, но и домашние животные, причем сглазить можно специально, остро позавидовав чьему-либо счастью, или нечаянно, просто в

²⁸ Красавица добрина (сыпь), ты самая пригожая, хорошей матери (дочь), хорошего отца, хороших сестер (сестра) и хороших братьев.

²⁹ Тогда сказал Иуда Гилинджийский: «Как ходил я из избы в избы, да искал себе постель. Да нашел Таньку, на рогоже лежащую, да и сел у нее в ногах, сел и ее ударил (болезнью).

³⁰ Пошли семьдесят семь вер по дорогам, кровавые корявые в кровью испачканной одежде, с окровавленными саблями...

³¹ Пошли семьдесят семь злых вер: еврей, католики, нищие, пьяницы, полуночицы...

³² Если тебя сглазила девушка, пусть тебе поможет св. Анна; если тебя сглазил юноша, пусть тебе поможет св. Вавржинес; если тебя сглазила женщина, пусть тебе поможет св. Магдалена; если тебя сглазил мужчина, пусть тебе поможет св. Мануш; если тебя сглазила баба, пусть тебе поможет св. Саба; если тебя сглазил дед, пусть тебе поможет св. Мелихерчик; если тебя сглазил ребенок, пусть тебе поможет св. Витт.

³³ От кого (имя рек) сглаз получил; если от женщины, пусть лопнут у нее груди; если от мужчины, пусть лопнут его глаза; если от девушки, пусть выпадут у нее волосы.

силу каких-то природных особенностей. Так, в русской традиции считается, что способностью сглазить обладают все, однако прежде всего те, кто имеет какие-либо физические особенности (черные глаза, например), или физические недостатки (кривые, хромые люди). Вредоносностью отмечены и те женщины, которые живут в браке без венчания, и девушки с неубранными волосами (это, как мы помним, один из признаков собственно антропоморфной болезни). Особенно опасны, естественно, колдуны, а также вероотступники:

«Архангел Михаил... вышибает... урочища..., напущенныя от мужика, от волхуна, от кария, от черныя, от черешныя, от бабы самокрутки, от девки простоволоски, от еретников, от клеветников, от еретниц, от клеветниц, от чистых и от нечистых, от женатых и неженатых, от глухих, от слепых, от красных, от черных, от всякого роду русских и не русских, от семидесяти языков» (Майков, №211).

В чешской традиции перечень вредоносных субъектов значительно уже за счет отказа от конкретизации. Интересным представляется то, что на негативное влияние каждого персонажа есть противодействие в лице конкретного святого:

«Uřkla li tě panna, pomáhej tě svatá Anna; uřknul li tě mládenec, pomáhej tě svatý Vavřinec; uřkla li tě žena, pomáhej tě svatá Majdaléna; uřknul li tě muž, pomáhej tě svatý Majnuš; uřkla li tě baba, pomáhej tě svatá Saba; uřknul li tě dědek, pomáhej tě svatý

Melchisedek; uřknlo li tě dítě, pomáhej tě svatý Víte»³² (Вельмезова, №208).

Болгары считают, что негативное влияние на человека оказывают прежде всего женщины, как замужние, так и девушки, а также взрослые мужчины. Дети и старики вредоносной силой не обладают. Отношение к вредителям демонстрируется очень жесткое: на их голову призывается проклятие, сопровождаемое жестоким наказанием:

«От кого ie (името) очи ванал; аку ie от жена, боски и пукнали; аку ie от мъж, очи му пукнали; аку ie от мома, коси io паднали»³³ (СБНУ, кн. 3, №2, с. 142).

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что наши предки-славяне представляли себе, что болезнь является порождением параллельного человеку чужого ему неизведанного мира. Проникновение в гармоничный мир человека посторонней сущности или ее невидимого энергетического воздействия вносит дигармонию, то есть болезнь. Конкретные представления о виде и свойствах болезней у славян в целом сходны. Считается, что болезни могут иметь вид природных объектов и стихий, растений, предметов, одушевленных существностей, в том числе зоо- и антропоморфных. Наряду с этим существует убеждение, что и сам человек может обладать вредоносной по отношению к другим людям, и даже домашним животным, влиянием.

Список сокращений:

1. Вельмезова – Вельмезова е.в. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (опыт исследования семантической структуры). Приложение 2. – Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. – М., 1999.
2. Майков – Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. – СПб., 1994.
3. СБНУ – Сборник за български народни умотворения и книжнина. – Кн. 1-57. – София, 1889-1983.